

Она порылась в своей скромной копилке знаний, но ничего подобного не нашла, потому отодвинулась от Чаньяна подальше — как бы он, чего доброго, не вздумал использовать её в качестве закуски перед основным блюдом.

Тем временем Цзи Саньмэй, зажав в зубах курительную трубку, неспешно шагал вдоль берега в поисках лотосов.

И правильно: сам виноват. Последние дни он почти не покидал беседку, переняв дурную привычку лентяев, что вешают на шею лепёшку и откусывают, когда проголодаются. В результате он почти полностью опустошил ту сторону заводи у беседки, где росли лотосы.

Другая причина, по которой он не отходил от беседки, — желание вдоволь насладиться тем, как Шэнь Фаши за ним подсматривает. Стоило ему удалиться — тот непременно бы сбежал.

Вот и сейчас его Шэнь-сюн сбежал, испугавшись слов маленькой девочки, — с той же прытью, что и когда-то, когда его спугнул сам Цзи Саньмэй.

Цзи Саньмэй припомнил, как они в «Ветре над рекой» пили вино в обществе девиц, а он, прикинувшись служителем, сыграл гостям на древнюю мелодию Чжуинь и заработал мешок золота. Шэнь-сюн же подобной мишурой брезговал, потому лицо его стало суровым. Желая развеселить, Цзи Саньмэй дёрнул его за рукав, но тот в обиде удалился, оставив Цзи Саньмэя в унынии допивать оставшееся вино.

Тогда он подумал: «Шэнь-сюн, если хочешь, чтобы я спел, я и „Восемнадцать ласк“ для тебя исполню».

Увы, его Шэнь-сюн оказался пуглив; такие слова могли заставить его бежать ещё быстрее.

Цзи Саньмэй стоял у берега реки Ишуй под раскидистой ивой, охваченный бесконечной тоской.

Впрочем, скоро ему стало не до печальных дум.

К горлу его внезапно приставили кинжал. Заточенное лезвие впилося в нежную кожу, оставив тонкую кровавую черту.

Ладонь закрыла всё его лицо, а указательный и средний пальцы погрузились в глазницы, готовые в любой миг вырвать глаза.

Лун Фэйань дрожал, прилепляя к стволу ивы последний жёлтый талисман перемещения. В горле у него клокотало, будто кровь вот-вот свернётся.

Он мог бы бежать, но сдаваться не желал.

Если уж человеческое жертвоприношение не удалось, то заполучить необычный духовный корень Цзи Саньмэя — тоже неплохо.

Но только не здесь. Он уведёт Цзи Саньмэя в тайное место и предаст мучительной казни — в отместку за то, что тот посмел над ним насмеяться...

Однако мечте его не суждено было сбыться.

Темя Лун Фэйаня онемело. Не успев обернуться, он увидел, как по воздуху пронёсся монашеский посох, а гулкий звон буддийских колокольцев обратился в душу леденящий

призрачный вой. Звон этот, будто оскал, пронзил макушку и впился в бумажный талисман.

Талисман вместе с верхней половиной ивы отлетел в сторону. Взметнулось облако пыли, скрывшее фигуру нападавшего.

Чанъань в беседке вздрогнул и инстинктивно прижал к себе вскрикнувшую Лун Юнь, закрыв ей уши.

Лун Фэйань в ужасе обернулся, но, едва начав движение, почувствовал, как чья-то рука сомкнулась на его черепе и подняла в воздух.

Он услышал, как кости затрещали под давлением — звук, от которого зубы сводило.

Правая рука, что сжимала горло Цзи Саньмэя, сломалась первой. Кость в локтевом суставе вывернули, будто сухую ветку. Лун Фэйань услышал оглушительный хруст, а уж затем хлынула острая боль. Он даже успел повернуть голову, пытаясь понять, откуда раздался звук.

Цзи Саньмэй, высвободившись, рухнул на землю, давясь кашлем, и лишь потом смог поднять голову и увидеть нападавшего.

Его Шэнь-сюн, чья фигура всё ещё тонула в пыльном облаке. Но Цзи Саньмэй узнал его по ногам.

Ива была срублена пополам, срез неровный, шершавый. Лун Фэйаня Шэнь Фаши с силой прижал к этому срезу.

Обе руки Лун Фэйаня были сломаны, словно тростниковые прутья, неестественно вывернуты и беспомощно прижаты к бокам.

Ноздри и зрачки Лун Фэйаня расширились. Он забился в агонии, издавая нечленораздельные звуки, запрокинул голову и принялся яростно колотить затылком о пенёк — точно пёс на заклании.

Шэнь Фаши, не меняясь в лице, придавил его лицо и перебил ноги.

Дёргающиеся конечности обмякли, безвольно повисли, лишь пальцы судорожно подрагивали.

Изо рта Лун Фэйаня вырывалось бульканье, словно вода, — разобрать слова было невозможно.

Река Ишуй по-прежнему мирно журчала, сливаясь с приглушёнными стонами Лун Фэйаня.

Река — жесточайший из свидетелей. Что бы ни случилось, даже если в ней кто-то утонет, её вечное течение не остановится.

Шэнь Фаши взбесился. В глазах его осталась лишь белизна после снега, чёрные зрачки исчезли, а яростная убийственная аура клубилась вокруг, слой за слоем.

Шэнь Фаши, глядя на Лун Фэйаня, холодно изрёк:

— Мёртвец.

Цзи Саньмэй, прижимая руку к горлу, хрипло прокашлялся:

— Учитель, оставьте ему жизнь.

Цзи Саньмэй уже восстановил хронологию событий с Призрачной колесницей.

Та появилась как раз после того, как Шэнь Фаши привёз его в Храм Цзюэми. Потому он сильно подозревал, что дело подстроено — дабы заманить его обратно и загнать в смертельную ловушку.

Возникал вопрос: Сюй Тай был безумцем, одержимым навязчивой идеей, а Лун Фэйань — всего лишь заклинателем-одиночкой. Узнай они о его необычном духовном корне раньше, почему бы не попытаться выкупить его из того рабовладельческого логова, а ждать, пока его купит Шэнь Фаши?

Потому Цзи Саньмэй имел все основания полагать, что за этими двумя стоит кто-то ещё.

Чтобы выманить того, он и задумал простой план.

Лун Фэйань убил Сюй Тая, затем обнаружил, что «Цзи Саньмэй» жив, а мёртв лишь старик Чжу. Несложно было понять, что замысел раскрыт. Вероятно, он не посмеет остаться и схлестнуться с Шэнь Фаши лицом к лицу, а побежит к своему покровителю — спросить, как быть дальше.

А тонкая духовная нить, что Цзи Саньмэй через старика Чжу отправил в дом Сюй, уже незаметно прикрепилась к Лун Фэйаню.

Оставалось лишь активировать её — и проследить за Лун Фэйанем прямиком к тому, кто стоит за всем.

Однако, судя по нынешнему положению, Цзи Саньмэй, похоже, недооценил жадность и дерзость этого человека.

Но раз Лун Фэйань уже пойман, из него наверняка удастся выудить какую-нибудь информацию.

Шэнь Фаши, однако, словно не слышал его и продолжал методично ломать кости.

Цзи Саньмэй позвал снова:

— Учитель?

Хруст — и грудная клетка Лун Фэйаня поддалась.

Теперь тот превратился в бесформенный ком, ни одной целой кости. Слюна тянулась с его губ непрерывными нитями, в глазах нарастал ужас. Ноги его разъехались, на брюках расплылось грязное пятно.

Шэнь Фаши, увлечённый разбором человеческого тела на части, казалось, совершенно не интересовался словами Цзи Саньмэя.

Цзи Саньмэй повысил голос:

— Учитель! Он...

Он попытался подняться, но внезапный приступ головокружения швырнул его обратно на землю.

С трудом подавив тошноту и ощущение, будто мир вращается, он встал на колени. Руки, на которые опирался, дрожали.

— Шэнь... Шэнь-сюн...

Движения Шэнь Фаши резко замерли. В глазах его, похожих на жидкое серебро, понемногу стала возвращаться жизнь.

Лун Фэйань, похоже, осознал, что ему конец, и потому, собрав последние силы, захохотал:

— Шэнь Фаши... кинжал отравлен! Ядом смертельным! Жди... ххрр... чтобы хоронить его!

На этом его речь оборвалась.

Половина лица Лун Фэйаня провалилась под ударом кулака Шэнь Фаши. Осколки кости разлетелись, разрезав язык.

Цзи Саньмэй, чей слух пока не подвёл, отчётливо расслышал слова Лун Фэйаня.

Кинжал был отравлен...

Он дотронулся до горла — там зияла тонкая рана. Яд уже проникал в кровь, неумолимо растекаясь по внутренностям.

На пороге смерти Цзи Саньмэй вдруг усмехнулся.

...Простите, но даже отравленным — какой именно яд, решу я.

В левом глазу его вспыхнул багровый круг, испещрённый талисманскими письменами, густо, словно молитвенные флаги, исписанные священными текстами. Губы его зашептали что-то неразборчивое.

<http://bllate.org/book/16281/1466282>